

За рубесом. — 1994. — 7-20 сент. (ч. 2) —
Письма от Мопассана С. 23.

Франсуаза де ПЕРТЮИ

«ФИГАРО», ПАРИЖ.

«Я ВОЗМУЩЕН вашими комплиментами в адрес мадемуазель Перль... Как могли вы высказать столь благожелательное суждение об истории этого семейства придурков, истории столь же пошлой, сколь и неправдоподобной?» Кому принадлежит эта безжалостная критика? Мопассану, разоблачающему претенциозную слащавость одной из своих собственных новелл, опубликованных в «Фигаро» 16 января 1886 года.

Приведенный текст взят из одного из 110 недавно найденных писем, адресованных графине Потоцкой. С 1930 года эти письма, написанные Мопассаном приятельнице, считались утерянными, и вот недавно они возникли из небытия, выставленные на продажу на аукционе в отеле Дрюю.

По мнению эксперта Алена Николя, эта находка заставляет по-новому взглянуть на многое в жизни Мопассана, в частности его болезнь, мысли о самоубийстве, отношении к литературному миру.

Мопассан познакомился с Эммануэлой Потоцкой в 1882 году.

Его сразу покорило обаяние красавицы итальянки (она была урожденной княжной Пиньятелли), бывшей замужем за аташе посольства. Супруги явно были не слишком привязаны друг к другу, и в то время, когда муж волочился за Эмильеной д'Алансон, его жена держала в доме на авеню Фриденд салон вполне в парижском духе, в котором устраивались вечеринки весьма сомнительного свойства.

Например, во время «Ужина Маккавеев» приглашенные должны были изображать из себя людей, умиравших от любовных забав, а бесстрастные лакеи в это время подавали блюда, сервированные на посуде алого цвета. В конце вечера хозяйка, одетая в сутану, но при галстукке и благоухающая духами, созданными домом «Герлен» специально для нее, раздавала гостям в качестве сувенира брелоки с изображением своего герба.

Участвовал ли Мопассан в этих изысканных «парти»? Почти наверняка. Во всяком случае, публика была вполне достойная: Поль Бурже, Жак-Эмиль Бланш, Монтескью, Мелькиор де Вогюэ и некоторые другие. Была ли очаровательная Эммануэла Потоцкая любовницей писателя? Установить это биографам не удалось, потому что молодая дама, охотно воспламенявшая мужские сердца, вовсе не спешила распахнуть перед ними двери своей спальни. Кроме того, весьма вероятно, что Мопассан просто остерегался ее сомнительного шарма.

Найденные письма не то чтобы окончательно опровергают возможность подобной связи, скорее, делают ее маловероятной. Действительно, в марте 1889 года Мопассан пишет: «Я едва не влюбился в вас, пожалуй, даже влюбился, но сумел превозмочь свою страсть. Мне стало нехорошо, и я испугался. Я даже сейчас не доверяю вам». Можно лишь с определенностью утверждать: их отношения продолжались до 1892 года, когда Мопассан был помещен в частную лечебницу доктора Бланша.

Переписка сообщает нам новые, более точные подробности, касающиеся путешествий писателя, терзающих его приступов невралгии, дружеских привязанностей, литературных и философских убеждений.

Во многих письмах находим упоминание о приступах нервной болезни писателя. Чтобы облегчить боль, Мопассан прибегает к наркотикам. Читаем строки, датированные августом

1889 года: «Встаю с постели, весь пропитанный наркотиками, почти пьяный от них... Клянусь вам, меня терзают невыносимые мигрени, и я не могу ни обедать, ни ужинать вне дома, не расплачиваясь за это часами мучений».

Немного позже он пишет: «Вот и галлюцинации начались... Всю ночь слышал шум — отрывочный и необъяснимый... Бессонница, лихорадка, галлюцинации! Я чувствую, что схожу с ума!» И, наконец, в третьем послании Мопассан признается: «Принимал опиум. Бредил после этого несколько дней».

Другая интересная особенность об-

наруженных писем писателя — содержащиеся в них хлесткие характеристики представителей светского общества. Некоторые отличаются ни с чем не сравнимым юмором и злостью. Свидетельством тому строки, написанные во время пребывания писателя в Англии: «Провел три дня (высокая честь!) под одной крышей с наследником трона, показавшимся мне великолепным образцом кренинизма, которым рано или поздно кончат все представители королевской породы!»

Впрочем, Мопассана мало заботят светская жизнь и окружающие ее почести. «Нет, мадам, — пишет он в 1884 году, — я не светский человек. Я протестую и возмущаюсь». 17 мая 1888 года он даже написал послание на гербовой бумаге, в котором читается: «Настоящим заявлением обязуюсь никогда не выставлять свою кандидатуру и не позволять никому выставлять ее во французскую Академию, где я чувствовал бы себя изгоем. За этим исключением, — добавляет он, — я выполню все, что вздумается потребовать от меня графине Потоцкой».

Но самое любопытное в письмах — упоминание о коллекции талисманов великого писателя, ибо он окружал себя весьма странными предметами. «У меня есть, — пишет Мопассан, — туфля одной китайочки, умершей от любви к французу. Этот талисман приносит счастье в любовных желаниях. Также у меня имеется и веревка повешенного. Но самое уникальное в моей коллекции — это конечности человека, обманутого женой и умершего от горя».

Как бы в противовес всем этим глупостям в письмах есть и поистине прекрасные страницы, рассказывающие об истории создания произведений. Пишет Мопассан о необходимости одиночества: «Продолжаю хранить молчание, ни с кем не разговаривая, — отмечает он в сентябре 1889 года. — Впрочем, прежде чем начать писать книги, я должен был увидеть, как они живут своей собственной жизнью в черной комнате одиночества».

Видение той или иной вещи не мешает работе его внутреннего цензора. По поводу одной из новелл Мопассан объясняет: «Она пойдет в «Фигаро», впрочем, если они там не будут шокированы некоторыми пассажами; в этом случае я предоставлю им следующую — короче, целомудренней и поэтичней, но уже не такую веселую».